

Евгений Деменок

Письма родителей к Соне Делоне*

Переписка с родителями становится интенсивнее после смерти Анны Сергеевны Терк (она умерла 11 августа 1911 года в Швейцарии и была кремирована в Берне). Письма из Одессы приходили Соне даже во время Первой мировой войны – благодаря тому, что они с Робером находились в то время в нейтральных Испании и Португалии. После 1918 года переписка прервалась на семь лет и активно возобновилась в 1925-м. О судьбе родителей Соня могла узнать от многочисленных родственников со стороны тети, живущих в Европе, но в первую очередь – от присяжного поверенного Семена Ефимовича Вейсенберга, мужа еще одной Сониной родственницы, Фанни Сергеевны (Израилевны) Вейсенберг (в девичестве Зак), занимавшегося наследством, доставшимся от Генриха и Анны Терк. Он писал Соне в Париж 8 сентября 1921 года: «Из Одессы имею очень скудные данные. Знаю, что твоя мама была вместе с тетей Милей и дядей Альбертом в Феодосии, а теперь она опять в Одессе. Брат твой Сема, кажется, не очень скверно материально устроен, кажется, мама вместе с ним живет». Пятью годами ранее, 12/25 июля 1916 года, в очередном письме к Соне с подтверждением об отправке денег Вейсенберг писал: «Только что я написал это письмо, как явились ко мне твои, отец и брат. Первый здесь несколько дней по делам, а второй георгиевский кавалер, имеющий два креста, приехал сюда немножко развлечься, он теперь ввиду ранений отпущен на три месяца. Твой папа просил тебе переслать от бабушки Шарлику 50 р., которые я присоединю к следующему переводу». А 4/17 ноября

* Окончание. Начало в кн. 85.

1917 года Вейсенберг писал Соне о трудностях, с которыми столкнулся при осуществлении денежных переводов за границу в связи с «военным бунтом» и отправил ей копию письма, в котором отвечает ее отцу, беспокоящемуся о денежной поддержке для дочери. Ответ начинается так: «Многоуважаемый Илья Иосифович! Вчера вечером получил Ваше заказное письмо и по его содержанию, так как Вы беспокоитесь за Сонечку, спешу Вам ответить. Напрасно она Вас волнует такими письмами. Я ей каждый месяц посылаю деньги по телеграфу и одновременно с тем посылаю заказное письмо».

То есть в ноябре 1917-го Илья Иосифович Штерн был еще жив и принимал живое участие в делах дочери.

К сожалению, в нашем распоряжении нет ответных писем Сони родителям, которые должны были храниться в Одессе, но, скорее всего, пропали или были уничтожены.

Итак, письма родителей в Париж, Португалию и Испанию, о которых я хочу рассказать, были отправлены ей из Одессы в период с 1910-го по 1931-й год. И если в первые годы переписка была совершенно обычной, бытовой – отец отправлял ей метрическое свидетельство, мама писала о том, что послала печенье, и просила почаще присылать фотографии с внуком – то после октябрьского переворота она приобретает все более трагический характер. Илья Иосифович Штерн умер, мама осталась одна, а Соломон, после возвращения с фронта примкнувший к партии эсеров (хотя, возможно, это произошло и раньше, в 1908-м, на что намекают некоторые фразы из писем тети), почти семнадцать лет, до самой смерти, провел в лагерях и ссылках, вдалеке и от родного дома, и от матери, и от собственных жены и дочери. Оставшаяся без средств к существованию и тяжело болеющая мама все чаще просит Соню о помощи. Когда Соня называла маму «нытиком», она вряд ли могла себе представить реальные условия жизни советских людей. Тем не менее во второй половине 1920-х она активно помогала маме, за что та не уставала ее благодарить.

Последние письма из Одессы датированы маем 1931 года. Мама, регулярно попадавшая в клинику, где лечила сердце, сама уже не могла писать, и под ее диктовку писал врач (в связи с тем, что она плохо видела, почти половина ее писем были написаны под диктовку и ранее, она лишь делала приписки в конце).

Скорее всего, в том же году Хана Товиевна умерла. Хотя, возможно, она прожила еще несколько лет, однако продолжать переписку не могла. Это характерная для многих разъединенных семей история – до начала 1930-х переписка с Советским Союзом была возможной, так же, как и помощь родным; после этого она прерывалась, а письма из-за границы хранить у себя становилось опасным. Так что пока достоверно не известно, прервалась переписка со смертью матери или же по цензурным соображениям. Уже в письмах от 1931 года о том, что Сема-Соломон получил очередной срок, предпочитают не упоминать – вместо это пишут о его «болезни», которая неизвестно сколько продлится.

Письма от матери и дяди Марка производят поразительное впечатление. В то время, как Соня участвовала в выставках, открывала модные бутики, моделировала одежду для голливудских звезд, общалась с самыми интересными людьми эпохи, ее мама голодала, а брат, герой войны и кавалер четырех Георгиевских крестов и Георгиевской медали, гнил в ссылках и лагерях, закончил свою жизнь в тюремной больнице. А высланные Соней маме семейные фотографии, пересланные Соломону, скорее всего, были изъяты у него при очередном обыске.

Публикуемые ниже письма – лишь небольшой фрагмент, начало большого исследования, которое еще предстоит совершить.

* * *

Письма от отца Эли (Ильи) Штерна датированы периодом 1911-1917 годов. Все они написаны на бланке «Инженер М.Г. Левин. Завод белой жести и металлических изделий. Завод и контора: Куяльницкая дорога, собств. дом. № 17. Телефон № 30-25». На этом заводе, судя по словам матери, Ханы Товиевны, отец проработал двадцать семь лет (это не совсем вяжется с данными, указанными во время Всероссийской переписи населения). Вполне вероятно, что в первые годы завод располагался по другому адресу. Немногочисленные источники, в которых он упоминается, свидетельствуют, что завод белой жести и металлических изделий М.Г. Левина был основан в 1896 или 1898 году. Впервые он упоминается в адресном справочнике «Вся Одесса на 1904/5 год»; правда, принадлежавший М. Левину участок значится

„Инженеръ М. Г. ЛЕВИНЪ“

ЗАВОДЪ
БЪЛОЙ ЖЕСТИ
— — —
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЗАВОДЪ и КОНТОРА:
Дунайницкая дорога, собств. домъ.
Телефонъ № 3025.

Одесса. 30 Августа 1912

Груны для пачки отаравать
на ст. Одесса-Порту.

Дорогой Сашенька!

Наконецъ послѣ долгой болезни по
цѣлѣ истремски свѣтлѣе стало
и какъ только всталъ при ещѣ
Очень плохо себя чувствъ, такъ
какъ въ ещѣ понадобитъ, ког
да это уже будетъ каданъ свѣтъ
при отъѣздѣ Сашѣ вѣнскѣ по вѣнскѣ
сготови для него по ещѣ по вѣнскѣ
а въ вѣнскѣ истремски свѣтъ
тѣмъ же много кѣсь въ вѣнскѣ
станѣ. Отъ вѣнскѣ по вѣнскѣ

Дома у насъ все благополучно
безъ здравья. Саша по вѣнскѣ по вѣнскѣ
здѣсь къ здравья по вѣнскѣ по вѣнскѣ

Наши мамы о ещѣ и мамы
также и мамы здравья и мамы

Ура! Ура! Ура!
и Ксантъ вѣнскѣ
всѣ по вѣнскѣ
Ура! Ура! Ура!

Адресъ для писемъ: „Инженеръ М. Г. Левинъ“, Одесса.
• телеграмма: „Инженеръ-Левинъ“.

Письмо от отца Сони на бланке завода

по расположенной рядом улице Филодорова, 19. 25 июня 1907 года инженер Левин был убит, и управление производством перешло к его жене, которую в одном из писем упоминает Илья Штерн.

Завод упоминается также в вышедшем в 1910 году в Москве справочнике Л.Б. Кафенгауза «Синдикаты в русской железной промышленности» (с. 100).

Предприятие располагалось на собственном участке, но несмотря на то, что было довольно крупным, на картах обозначено не было, поэтому точное расположение его не известно. Вполне возможно, что в «собственном доме» располагалась только контора. Тогдашняя Куяльницкая дорога – сегодня Известковая улица, и дом Левиных располагался ориентировочно рядом с сегодняшним 79-м номером. Я ездил туда, чтобы сделать фотографии, но ничего примечательного не обнаружил – лишь типичные для Известковой невзрачные одноэтажные дома за высокими заборами.

Достоверно не известно, что случилось с заводом после октябрьского переворота.

Привожу ниже несколько писем от Эли Штерна.

*

«Одесса

11/24 августа 1911 г.

Дорогая Сонюша!

О безвременной кончине Анны Сергеевны мы узнали до получения твоего письма из телеграммы Альберта Федоровича к Марку Тимофеевичу.*

Скорбим вместе с тобою об тяжелой утрате близкого и дорогого человека, которая особенно чувствительна для тебя».

*

«Одесса, 30 августа 1911 г.

Дорогая Сонюша!

Наконец после долгой возни я получил метрическое свидетельство, копию которого высылаю при сем. Очень прошу тебя

* Анна Сергеевна Терк, в девичестве Зак – тетя Сони, жена Генриха Терка. В их петербургском доме по адресу Басков переулок, 12, Соня выросла.

беречь подлинник, так как он мне понадобится, когда мне нужно будет ходатайствовать при отбывании Семой воинской повинности льготы для него по семейному положению, а без оригинала метрического свидетельства ничего нельзя будет сделать. О получении, пожалуйста, извести.

Дома у нас все благополучно, все здоровы. Сема понемногу поправляется как здоровьем, так и морально.

Пиши нам о своем и малыша также и мужа здоровье и чаще.

Целуем тебя и Шарля и кланяемся мужу твоему».

*

«Одесса, 16 ноября 1911 г.

Дорогая Сонюша!

Нас очень удивляет, отчего ты так долго нам ничего о себе не пишешь. Если мы иной раз не аккуратны в письмах, то нам ты должна простить. Вечно в погоне за рублем, неприятности, как спутники всякой, даже хорошей, службы до того измучат тебя, что не то что писать, но и думать ни о чем не хочется, поэтому ты никогда не должна обижаться на нас, если от нас своевременно не получаешь ответа, и не должна ждать, пока мы тебе напишем. Пожалуйста, напиши нам несколько слов о твоём здоровье, сыне и муже, и вышли нам обещанные фотографии.

У нас все благополучно, все здоровы. Сема уже 4-ую неделю работает в электротехнической мастерской и даже зарабатывает кое-что на свое содержание.

Мы очень довольны теперь его поведением. С тех пор, как он начал работать, он значительно переменялся в лучшую сторону. Не нервничает, не хандрит (что раньше часто бывало с ним) и вообще стал спокойнее и уравновешеннее, что нас, конечно, очень радует.

<...> Желаем вам всем здоровья и всех благ. Ждем от тебя письма. Твои родители. <...> Адрес прежний Херсонская, 8».

*

В письме от 27 марта 1912 года папа пишет о том, что умер Григорий, сын дяди Марка: «Гриша после четырехмесячной тяжелой болезни в феврале месяце приказал вам всем долго жить».

„Инженеръ М. Г. ЛЕВИНЪ“

ЗАВОДЪ
БЪЛОЙ ЖЕСТИ

— — —
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЗАВОДЪ и МОНТОРА:

Кульничкал дороза, собств. домъ.

Телефонъ № 3025.

Одесса. 30 Августа 1911г.

Грузы для насъ отправлять
на ст. Одесса-Порть.

Дорогая Соня!

Наконецъ послѣ долгой войны и по
успѣху историческаго свѣдѣтельства
и какою каморой высказано при семъ
Очень прошу тебя свѣдѣть правдиво,
такъ какъ она была понадевется, ког-
да много времени будетъ каждаго свѣдѣ-
при отведеніи Свѣдѣть вѣдѣть по вѣдѣть
свѣдѣть для него по свѣдѣть по вѣдѣть
а свѣдѣть свѣдѣть историческаго свѣдѣ-
тства свѣдѣть свѣдѣть свѣдѣть
свѣдѣть. Свѣдѣть свѣдѣть свѣдѣть

Дома у насъ все благополучно
все здорово. Свѣдѣть свѣдѣть свѣдѣть
свѣдѣть какъ здорово свѣдѣть и свѣдѣть

Наша мама и свѣдѣть и свѣдѣть
свѣдѣть и свѣдѣть здорово и свѣдѣть

Свѣдѣть свѣдѣть и свѣдѣть
и свѣдѣть свѣдѣть
свѣдѣть свѣдѣть
свѣдѣть свѣдѣть

Адресъ для писемъ „Инженеръ М. Г. Левинъ“, Одесса.
• телеграмма: Инженеръ-Левинъ.

Письмо от отца Сони, 11/24 августа 1911 г.

Ты можешь себе представить горе несчастных родителей. Нам тоже нелегко забыть его, ибо нам был очень близок и очень любили его за его добрый и мягкий характер». Пишет также о том, что они время от времени получают вести от Якова Тимофеевича: «Он служит врачом на пароходе Русско-Вост. Общества и плавает между Ливадой и Нью-Йорком. Он большой оригинал и его очень трудно понять. С одной стороны Плюшкин, а с другой редко кому откажет в помощи, когда к нему обращаются». Далее отец пишет, что Яков Тимофеевич обещает приехать к ним погостить, но никак не выберет время для отпуска, и что они мечтают о том, чтобы и Соня приехала к ним хоть на неделю.

*

*«Одесса, 21 июля 1914 г.
Дорогая Сонюша!*

*Из твоего письма вижу, что ты не получила моего письма, которое я писал тебе 27 или 28 июня, числа эти мною помнятся потому, что сейчас по приезду из Петербурга я писал тебе. Твои письма я получил своевременно, также твою и Шарля фотографию, которая доставила нам большое удовольствие и за которую мама очень благодарна и жалеет, что обстоятельства так складываются, что вряд ли твои предположения относительно поездки твоей в Россию (сбудутся. – **Прим. автора**).*

Мы теперь переживаем очень тревожное время, вчера у нас стало известно, что Германия объявила России войну, и также носят слухи, что Германия перешла французскую границу. Кстати, каково положение Роберта по отношению воинской повинности, по частным сведениям, Франция вслед за Россией тотчас объявила мобилизацию.

От Семы мы последние 2 недели не получали писем. Где он в настоящее время находится, не знаю. Последние письма от него получили со станции Сеймы Моск. Нижегород. Ж. д., где расположен был их лагерь. Думаю, этими днями будет от него какое-нибудь известие. О петербургских впечатлениях откладываю до следующего письма.

Будь здорова, поцелуй от нас Шарля и Роберта. Пожалуйста, пиши чаще.

Твой отец Илия».

(Это письмо было отправлено в Париж, 3 rue des Grands Augustins, но переправлено в испанский город Фуэнтаррабия, где в то время отдыхали Соня, Робер и Шарль.)

*

В нескольких письмах отец отвечает на вопросы Сони о наследстве, оставшемся ей после смерти дяди и тети. Рассказ о судьбе этого наследства требует отдельной большой статьи, скажу только, что благодаря получению части арендных сумм от дома в Басковом переулке, 12, Соня с мужем и сыном вполне сносно жили до октября 1917-го года. Вопреки желанию Сони дом так и не был продан, как это предполагалось в завещании, и был в итоге национализирован. Ниже одно из таких писем.

«Одесса, 15 ноября 1914 года.

Дорогая Сонюша!

После долгого перерыва мы, наконец, получили от тебя весточку. Ты можешь себе представить, как она нас обрадовала, узнав, что у вас все благополучно. Твои письма получили как раз, когда и от Семы долго не получали известий, но после получения твоих писем мы и от него получили.

В своем письме к нам он извещает нас, что посланную ему посылку он получил, а о себе очень мало пишет, но и без слов понятно, что он переживает. В предыдущих письмах к нам он писал, что несколько дней участвовал в боях с австрийцами и награжден орденом кавалера Св. Георгия 4 степени.

В походе он уже с начала августа месяца. Был в 25 верстах за Ярославлем, а теперь он, как видно из последнего его письма, очутился в Петроковской губ. Бедный мальчик, сколько он перестрадал за это время и хоть бы одна жалобная нота прозвучала в его письмах. Я никогда не подозревал в нем столько стойкости, терпения и мужества. Дал бы бог ему благополучно домой возвратить, а с таким характером при его честности много хорошего может достичь.

Возможно, что мама поедет повидаться с ним, если ей удастся заручиться от властей надлежащим разрешением.

О своем свидании в Петербурге с г. Вейсенбергом я в свое время писал тебе и мне очень жалко, что письмо это ты не получила. Все разговоры с ним чисто практического свойства, он всегда

Конверт письма от отца

старается придать академический характер, – никаких данных, а о цифрах и говорить не приходится. Например, я хотел узнать, много ли может придется на ее долю и никак не мог добиться; ответ таков: имеются какие-то бумаги, которые теперь неудобно реализовать. Какие бумаги и сколько, так и не узнал. Такой же разговор шел и о доме. Он доказывал, время для продажи дома не благоприятное, на том-де основании, что биржевые бумаги очень низки, и когда я высказал противное мнение, так как в это время (в июне) цены на квартиры поднялись до небывалого уровня, он нашелся только сказать, что к этому дому неприменимо, что несмотря на то, что действительно во всем Петрограде цены на квартиры поднялись на 25-30%, он в этом доме не мог поднять цены, так как они (квартиры) и раньше дорого оплачивались. Но добавил он, что и тебе незачем торопиться с продажей, так как он высылает часть причитающихся тебе доходов, и если

тебе требуется несколько лишних денег, он делает возможное, чтобы удовлетворить твоё требование.

Вот все, что у меня осталось в памяти от посещения его в Петрограде.

Пожалуйста, пиши нам чаще, как о себе, так и о Шарле и муже. В последнее время мы так удручены и так чувствуем себя одинокими, что письма от вас для нас необыкновенно ценны.

*О бомбардировке в Одессе не буду писать подробно, так как оно очень маленькое произвело впечатление; несколько тревожных минут, которые вскоре были забыты и не больше. По крайней мере на меня оно так подействовало».**

*

«Одесса, 12 июня 1915 г.

Дорогая Сонечка!

Из предыдущего письма к тебе ты уже достаточно ознакомишься с жизнью Семы за первый 5-ти месячный период его похода вплоть до его ранения, выздоровления и отправки в его полк. Прилагаю при сем его открытку, полученную нами от него с дороги. В этой открытке ты найдешь подтверждение тому, что писал тебе в прошлом письме о его мужестве и выносливости, какой мы и не подозревали в нем.

Пожалуйста, пиши нам, как вы живете, здоровы ли все и что Шарлик, и пожалуйста пиши чаще.

Целуем всех вас. Твои. Привет от семьи Марка Тимофеевича. Таня работает сестрой милосердия в земском отряде и до последнего времени была вблизи Львова, а ее муж только недавно уехал в армию зауряд врачом».

*

«Одесса, 4/IX/16 г.

Дорогая Сонюша!

Наконец-то после долгого перерыва могу сообщить тебе, что у нас нового. Из прежних моих писем тебе уже известно, что Сема

* Речь идет об обстреле Одессы турецкими кораблями утром 16/29 октября 1914 года.

пробыл почти 2 года на фронте, на позициях участвовал во многих боях, за что награжден Георгиевской медалью и 3-мя Георгиевскими крестами, 4, 3 и 2 степенями, но в конце апреля был ранен вторично в правую руку (раздроблена лучевая кость) и после краткого лечения отправлен был, по ходатайству мамы, из Москвы в Одессу для дальнейшего излечения. Затем он получил 3-х месячный отпуск, который кончился 26 июня, и затем в июне ему дали еще раз 2-х месячный отпуск, который кончается 26 сего месяца. Мы думаем, что в 3 раз при освидетельствовании его совсем освободят, так как рука в нормальное состояние не приходит; требуется сложная операция, которую сами врачи не советуют ему теперь делать. Пока на досуге стал посещать занятия для получения аттестата зрелости».

Далее отец пишет о том, что «с мамой тоже в прошлом месяце случилась неприятность», – когда она возвращалась из города на извозчике, лошадь понесла, извозчик был сброшен с козел, мама неудачно соскочила с дрожек и вывихнула правую руку. И далее: «О себе ничего сообщать не имею, работаю по-прежнему в качестве сотрудника с М^{ме} Левин (которая, кстати сказать, очень интересуется тобой и всегда просит кланяться тебе), часто приходится выезжать, недавно, как я уже писал, был в Петрограде, виделся с Сашей, тетей Верой и Альбертом Федоровичем и также посетил г-на Вейсенберга, который мне подробно рассказывал о твоих неприятностях, которые ты пережила. Будучи у него, я просил его исполнить просьбу мамы и выслать Шарлю на подарки 50 руб., которые я ему же вручил. Получила ли ты их уже?

Вот все, что могу сообщить тебе. Что у тебя, как здоровье вас всех? Шарль на карточке уже совсем большой и такой ли он спокойный, как и раньше был? Пиши обо всем подробно, а меня уж, пожалуйста, извини, что так долго не писал.

Поцелуем тебя и Шарля и мужу передай сердечный привет».

В конце письма – приписка от Соломона:

«Дорогая Соничка!

Прости, что до сих пор я не писал тебе, теперь всего несколько дней как я опять начал писать своей правой (раненой) рукой. Все, что можно было писать о себе, уже написал папа, самочувствие среднее. Целую всех вас Сема».

*

«Дорогая Сонюша!

Только третьего дня получили твое последнее письмо из Valenço, очень рады были узнать, что ты и твоя семья здоровы и что, работая, вы находите полное удовлетворение в вашей работе. Португальскую газету, где были помещены твой портрет и статья о тебе, не получили, очень очень жалеем. Надеемся, что ожидаемую от тебя фотографию твоей работы получим, но для большей уверенности в получении постарайся выслать заказным письмом.

О доходности дома в Петрограде не могу знать, т. к. в бытность мою у Семена Еф. он очень мало и неохотно говорил о нем и о его доходе, но общее положение таково: согласно изданному закону на время войны, домовладельцы не вправе повышать цены на квартиры более чем на 10% той платы, которая была до начала войны, вследствие этого доходность дома могла увеличиться не больше 10%, но, принимая во внимание дороговизну содержания дома в надлежащем порядке, возможно, что чистый доход мог остаться тот же, что и до войны.

Но ликвидировать это дело, по моему мнению, теперь момент не подходящий, несмотря на то, что недвижимое имущество сильно повысилось в цене, но опытные люди говорят, что по окончании войны всякая недвижимость, в особенности в крупных центрах России, увеличится чуть ли не вдвое.

О нас ничего нового сообщить не имею. Мама от падения с дрожек оправилась, я работаю по-прежнему на том же заводе. Семейный отпуск опять продлен до 6 марта текущего года, но о нем в его полку не забывают. Как раз под новый год он получил из полка Георгиевский крест I степени, таким образом он теперь полный Георгиевский кавалер всех степеней и в чине подпоручика, фотографическую карточку его прилагаю при письме.

На днях у нас гостили проездом из Кисловодска Альберт Федорович и Эмилия Тимофеевна, они остановились у нас дома и пробыли целую неделю. Мы очень рады были их приезду, тем более что он совпал с Рождеством, праздниками.

Пиши чаще и не жди наших писем, т. к. не знаю уже, почему они часто пропадают. Пусть Шарлик напишет пару слов; если

он успевает в рисовании, то в грамоте, наверное, не меньше успевает. Поцелуй его за нас, и скажи ему, что бабушка очень хотела бы повидать его.

Передаю сердечный привет твоему мужу, а тебя целуем, все твои.

6/1/1917 г.»

*

В октябре 1917-го Семен Ефимович Вейсенберг впервые не смог переслать Соне ежемесячный платеж, и она немедленно известила об этом отца, судя по всему, попросив у него денежной помощи. 3 октября 1917 Илья Иосифович ответил, что не может высылать Соне деньги, так как они сами при дороговизне еле сводят концы с концами и что-то высылают Семе на фронт, «где он опять находится». «Обо всем этом я писал г. Вейсенбергу и, как выше писал тебе, просил немедленно ответить, чтобы я мог предпринять в этом направлении какие-нибудь меры для предотвращения возможности, чтобы ты теперь, когда муж твой нуждается в поправлении здоровья, не осталась беспомощной.

Немедленно по получении от него ответа сообщу тебе.

О нас более подробно сообщу в следующем письме, так как я после перенесенной болезни (карбункул) еще не совсем оправился и продолжаю ходить на перевязки через день».

Это письмо от отца стало последним в архиве Жан-Клода Маркаде.

Дальнейшую переписку с дочерью продолжала Хана Товиевна. Основной массив писем от нее приходится на 1925-1931 годы, но первые письма от нее датированы 1910-11 годами. Самое первое было поздравлением со вступлением в брак с Робером Делоне.

*

«Одесса, 17-го ноября 1910 года

Поздравляем и желаем Вам быть счастливыми. Прошу тебя выслать свои фотографические карты, почаще пиши нам и не считайся с тем, что не так скоро мы отвечаем, папа всегда

приходит поздно и бывает утомлен, я также занята, поэтому мы не так скоро отвечаем».

11 марта 1911 года мама пишет о том, что «Роза* дяди Марка» ходила на почту и выслала ей посылку с печеньем, а для Семы – колбасу, и она переживает, не ошиблись ли они адресом.

*

Переписка возобновилась после долгого перерыва.

«Одесса, 5-ое октября 25 г.

Дорогая Соничка! Наконец я после долгого мучительного времени получила от тебя известие. Из Ленинграда я вчера получила от 2-жи Барац 18 руб. или 250 франков. Я тебе очень благодарна за это, так как они улучшили на некоторое время мое положение. Вот уже три года после ареста Семы, во время обыска твое письмо было забрано, таким образом, я лишилась твоего адреса. Чтобы знать, куда писать, я обратилась к Кате Хмельницкой. Она мне выслала твой адрес, но по этому адресу нельзя было тебя найти, и потому я перестала писать. Три года, как Сема был выслан в Соловки, а теперь он переведен в Тобольск в каторжную тюрьму. 2-го декабря кончается срок его тюремного заключения как политического с-р.

Жена его до этих пор служит в Одессе библиотекарем, и она содержит себя и девочку на средства хотя и скудные, но лучше, чем без всего. Девочка хорошая, но худенькая. Все те вещи детские, которые ты послала, мы получили, и они очень пригодились. По получении посылки Таня тебе тотчас ответила, но почему ты не получила, мы не знаем. Положение мое очень критическое и заставляет меня думать об очень плохом. Меня оставили в положении нищей, забрав у меня все, что у меня было. Я влачу очень жалкое существование, вынося то подушку, то стул, словом, последний скарб. Мои хлопоты о принятии меня в Соцстрах ни к чему не приводят, несмотря на то, что папа прослужил 27 лет на одном месте.

* Дочь Марка Товиевича Терка. У них также были дочери Татьяна и Маргарита.

Привет от меня твоему мужу и Шарлю, будьте здоровы. Целую вас крепко, твоя мама».

*

Следующее письмо – пронзительное признание мамы в бедственном положении. Не меньше трогают и слова «насколько я помню тебя».

«Одесса, 14-ое ноября 25 г.

Дорогая Соничка!

Я получила 11-го ноября твое первое письмо, а 12-го ваши фотографии. Можешь себе представить, как я была счастлива, когда увидела вас всех хотя бы на карточках. Шарль необыкновенно понравился всем его видевишим. По-моему, я у него нахожу с тобой большое сходство. Насколько я помню тебя, его улыбка очень напоминает твою. Я тебе очень благодарна, что ты мне оказала помощь тогда, когда я совсем потеряла всякую надежду, теперь я просто ожила. Эта сумма меня ободрила и мне теперь не приходится простаивать по целым дням на базарах, продавать остатки нашего имущества.

Теперь об одном деле. Папа был застрахован в обществе «Урбан» и в прошлом году они открыли здесь отделение под названием «кредитное бюро», где они извещали, что у кого есть полисы и квитанции об уплате, чтобы явиться туда. Я этому обрадовалась и явилась туда с этими бумагами. Мне сказали, что я должна внести сумму в 20 рублей и документы, где мне вся эта история обошлась в 30 рублей, нашлись такие, которые мне дали. С тех пор прошел почти год, и я прихожу туда осведомляться. Они отвечают, что должен произойти суд в Париже о взыскании всех сумм, которые были внесены. Если тебе не трудно, то разузнай, будет ли что-нибудь из этого или нас вводят в заблуждение. Что касается Семы, то его в течение этого месяца должны были освободить и сослать вольно неизвестно куда. В последнем письме он писал, что сообщит с дороги о месте высылки или же с места. Привет от дяди и тети. И мой привет вам всем, будьте здоровы, целую вас всех крепко.

Мама».

*

«Одесса, 24-ое марта 26 г.

Дорогая Соничка.

Получила твое заказное письмо, за что очень тебе благодарна, я была беспокойна, все время думаю, не болен ли кто из вас. Сема выслан на три года в г. Чимкент Сырь-Дарвинской (sic!) губ. Как только приехал туда, и вскорости получил должность в Стат. бюро 55 руб. в месяц, он пишет, что по мере возможности будет помогать мне, пока мне очень трудно живу в нужде. Очень жаль, что не получила твою посылку, при мне вскрывали, видела эти вещи, а запросили такую сумму денег, что я не знала, как быть, но немного успокоилась и сказала, чтобы посылки отправить обратно; высылаю повестку и список вещей. Дорогая Соничка постарайся узнать есть ли надежда получить от страховки что-нибудь.

Привет от дяди и тети привет от меня твоему мужу и крепко целую Шарля.

*Будьте все здоровы, целую тебя,
твоя мама».*

*

«Одесса, 17-ое апреля 26 г.

Дорогая Соничка

На днях получила деньги, которые ты выслала, за что я очень тебе благодарна, как Шарле учится хорошо, я мысленно думаю, что он должен быть добрый и хороший сын. Недавно получила от Семы письмо, пишет, что там где он служил многих уволили, в том числе и он уволен очень печально если ему придется долго быть без дела. Жена его выехала в Иркутск на службу где будет заведовать библиотекой; в мае месяце возьмет туда и девочку зовут ее Илина, когда бываю у нея мне больно слышать как она говорит все про своего папу что как долго и он не приезжает, как бы я хотела его увидеть, все дети своего папу видят а я не вижу его. Соничка прошу тебя постарайся узнать про страховую полис, есть ли надежда получить что-нибудь, только этой мыслью я живу потому что тебе приходится заботиться о моем материальном положении; мне очень тяжело зная что тебе не так легко деньги достаются, я могу себя назвать инвалидом не могу

*ходить ноги больные и плохое зрение; а быть тебе и Семе в тяжесть мне не хотелось. Будьте все здоровы целую вас всех крепко.
Мама»*

*

«Одесса, 12-ое июля 26 г.

Дорогая Соничка

Спасибо тебе, что не забываешь меня. Только и живу вами и Семой. Получила от Семы письмо, просил меня, чтобы выслать твои карточки, которые ты недавно прислала. Я их отправила ему, но с условием, чтобы обратно прислать. Получила ответ, он так восхищается, как выглядит Шарло и какой он большой. Прочла я в одном журнале, где описывают твою работу, какой ты хороший есть художник. Таких знакомых, что едут в Париж, теперь их нет, может, у Тани представится такой случай, я ей напишу. Ты не знаешь, где дядя Яков теперь и как он поживает?»

*

«Одесса, 17-ое августа 26 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо и карточки Шарло, на днях получила и деньги, за что я очень благодарна тебе. Все мои знакомые не могут налюбоваться личиком Шарло, а я и выразить мою радость, которую ты мне доставила, описать не в состоянии. Сема снял копию от твоих карточек, которые я получила зимою; мне он пишет в каждом письме, как ему нравится мордашечка Шарло; дай бог, чтобы он был у тебя счастливый и здоровый, и ты в своей жизни никакого горя не знала, пусть мои страдания, которые я испытывала и испытываю теперь, будет за вас всех. Твои и Семы письма, я этим и живу. <...> Высылаю отрывок того журнала тебе. Привет от дяди и тети».

*

«Одесса, 14-ое сентября 26 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо и в тот же день получила и от Семы письмо. Дорогие дети, не могу описать мою радость, когда получаю от вас письма часто и узнаю, что вы все здоровы. Сема очень

нежный и добрый ко мне; старается, по мере возможности, улучшить мое положение.

Он постарался выхлопотать там такую бумажку, где я могу получить совет и лекарства бесплатно; я в этом очень нуждаюсь. Жена его и дочь Илина живут в городе Иркутск, она там заведует библиотекой. Сема очень интересуется тобой и Шарлюшей и мужем твоим в каждом письме, шлет привет и наилучшие пожелания вам всем. Он очень рад, когда я пишу ему, что получаю часто от тебя письма и деньги. Таня живет с мужем на Кавказе, там он работает в больнице.*

Будьте все здоровы. Привет от дяди и тети. Целую вас крепко а Шарло целуй от меня много раз.

Твоя мама».

*

«Одесса, 14-ое декабря 26 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо, очень тебя благодарю, Шарлю большое спасибо за рисунки, присланные мне. Три дня тому, как получила от Семы письмо и 15 руб. Дорогие мои дети, не знаю, что бы я делала, если бы вы мне не помогли, что бы было со мной. Сама я слабая и плохо вижу. Всегда молю бога, чтобы вам жилось хорошо и никогда не знали плохой минуты. Я всей жизни переживала много плохого, и пусть хоть вы были здоровы и счастливы. Когда получаю письма от тебя и от Семы, я становлюсь такая бодрая. Жду с нетерпением твои снимки, я только живу, что каждый день рассматриваю твои и Семины карточки. Сема постоянно старается меня утешить; когда он получает от своей девочки письма, медленно сообщает мне. Привет от дяди и тети. Будьте здоровы, вас всех целую. Ты Шарло за меня целуй много раз. Твоя мама».

*

«Одесса, 5-ое сентября 27 г.

Дорогая Соничка.

Получила твое письмо, и очень беспокоюсь, что ты должна еще пережить операцию, теперь только я уже волнуюсь и никак

* Вероятно, Элина.

не могу успокоиться, хотя мне один хирург сказал, что эта операция не опасна. Дорогой Шарло, вероятно, остался доволен своей поездкой.

Вот уже два месяца как Сема без дела, он очень волнуется, что не может теперь мне помогать. Девочка его живет на даче и немного поправилась. Привет от дяди и тети, будьте все здоровы и целую вас всех крепко.

Мама»

*

С конца 1920-х мама начала все чаще болеть. Денег на лечение у нее не было, и попасть в больницу было огромной удачей. Из больницы под ее диктовку Соне писали врачи. Вот одно из таких писем:

«Madam Delaunay!

*Пишу по поручению Вашей матери, которая уже 2 м[есяца] находится в клинике сердечных болезней пр. Дмитренко.** Состояние ее серьезное. К сожалению, в виду того, что заболевание ее неизлечимо, а материальные средства ее таковы, что платить за свое содержание она не может, ей придется в ближайшее время выписаться из клиники. Домашняя ее обстановка, которую я имела возможность наблюдать, весьма неподходящей является для больного человека, но переменить ее не представляется возможным.*

Сын ее в настоящее время окончил срок ссылки, но еще не получил бумаг из центра. И ближайшие 3 г[ода] жить в Одессе не сможет (это общее правило для бывш[их] ссыльных, ограничение в правах проживания в неск[ольких] больших городах, в том числе и в Одессе). Он последнее время посылает матери от 20-30 р. в месяц. Сама она, к сожалению, написать не может, но все же просила передать, что чувствует себя лучше. Письмо Ваше она получила 4 января. Писать можно по прежнему адресу.

*Врач С. Т.
7-1 28 г.»*

** Скорее всего, речь идет о Леониде Филипповиче Дмитренко (1875-1957), профессоре, заведующем диагностической (позднее пропедевтической) клиникой Одесского медицинского института.

*

К счастью, вскоре мама вернулась домой, и переписка продолжилась:

«Одесса, 26-ое января 28 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо, прости, что так долго не отвечала, я все время больна, твое письмо меня немного ободрило, что тебе лучше и не будут оперировать. Дорогая Соничка, в этом письме ты неверно написала номер дома, вместо восемь ты написала девять, когда будешь писать, так пиши дом номер восемь, квартира номер двадцать шесть. Ты писала, что выслала немного денег, до сих пор не получила. Он Семы имею часто письма, пишет, что немного имеет работу на дом. Шлет сердечный привет тебе и мужу и дорогому Шарло. Он находится в г. Чимкент Сыр-Дарьинской области. Будьте все здоровы, целую вас всех крепко. Привет от дяди Марка и тети.

Мама».

*

«Одесса, 14-ое февраля 28 г.

Дорогая Соничка.

Восьмого февраля получила двадцать руб., которые ты выслала мне, очень благодарна тебе за это. В тот же день я тяжело заболела, был у меня сердечный припадок, такой, что была долго без сознания. Был доктор, товарищ Семы, спасал меня, как родной сын. Дядя и тетя все время бывают у меня. Доктор велел лежать все время и не разговаривать. Вчера получила от Семы открытку, пишет, что достал немного письменную работу, беспокоится обо мне, что не может помочь, так, чтобы мне не жилось так трудно. Привет от Семы вам всем и от дяди и тети.

Будьте все здоровы, целую вас всех крепко.

Мама»

*

«Одесса, 30-ое апреля 29 г.

Дорогая Соничка

Уже месяц как я дома, все время я находилась в клинике, благодаря профессору и врачам что поместили мне там все время

Адреса 18го Августа 28.
Дарюлад Сошика
Вчера получила от вас Катюше
твою и Валюшу. Очень рада, что
тебе, Машуша, с тобой
много, много, много, много
любви, много, много, много, много
ты любишь посылать в воскресенье
и субботу в воскресенье, а в воскресенье
она будет тебе много, много, много
открытки, где ты пишешь
Как не могу написать тебе уже
на неделю, так не могу написать
где ты у меня пишу, не могу
еще написать тебе, открытку
и тебе пишу. Спасибо тебе
много, много, много, много
ради, ради, ради, ради, ради
ты, ты, ты, ты, ты, ты, ты, ты
я, я, я, я, я, я, я, я, я, я
любви, любви, любви, любви, любви
Машуша и тебе, тебе, тебе, тебе
много, много, много, много, много
машуша

Письма от мамы

без платы. Здоровье мое не важно. Сема выехал в г. Ташкент, он должен быть там три года, семья его живет в г. Иркутск. Дочь учится, ей минуло восемь лет, ему не возможно повидаться с ней. Рада, что дорогой Шарло славный у тебя сын. Привет от дяди и тети Терк. Будьте все здоровы, целую крепко.

Мама»

*

«Одесса, 29 октября 29 г.

Дорогая Сонечка, сегодня я получила от тебя 10 долларов, за которые тебе очень благодарна. Я написала тебе письмо месяца назад, но еще не имею ответа. Если ты перешлешь деньги через банк или через какое-нибудь официальное учреждение, то адресуй Хане Товиевне Штерн, так как в этот раз я получила деньги с трудностями. На днях Таня с дочерью уехала к мужу на Кавказ, где он работает в больнице, как доктор. Дядя и тетя живут в одном доме со мной. От Семы я около месяца не имею сведений и уже немного беспокоюсь.

Привет мужу и Шарлю, будь здорова.

Мама».

*

Далеко не все, что отправляла из Парижа в Одессу Соня Делоне, было доставлено маме. Пошлины, которые установило советское государство, были столь высоки, что мама была не в состоянии их выплатить, и несколько посылок были отправлены обратно.

С конца 1920-х открытки из дома приходили все реже и реже. Писала их мама уже сама, округлым крупным почерком с большим количеством ошибок:

«27 марта 1930 г.

Дорогая Сонечка!

Вот уже прошел почти целый год, как я от тебя не получала писем, и я не знаю, как твое здоровье и твоей семьи, это меня весьма и весьма беспокоит. О Семе могу тебе сообщить, что он все таки еще там, и когда он прибудет ко мне, мне неизвестно. Я писала тебе несколько писем, но ответов от тебя не получала, а мне писать

трудно, так как у меня была сломана рука, которая теперь поправилась немного. Привет мужу и Шарло и всех вас целую крепко.

Мама»

*

«Одесса, 6-ое мая 1930 г.

Дорогая Соничка!

Наконец ты дала о себе знать, за что я тебе очень благодарна. Меня беспокоит, что на фотографии твое лицо худое, кажется мне, что ты была больна. Сема здоров, осталось ему еще два года там быть. Живет он в г. Ташкент, а семья его находится в Иркутске, дочь его учится, ей минуло недавно девять лет, она уже в третий класс переведена. С Петербурга мне никто не пишет, и я ничего не знаю о них.

Не имея от тебя так долго письма, я очень волновалась и не знала, у кого узнать причину твоего молчания. Теперь прошу тебя, дорогая Соничка, пиши чаще. О себе ничего не пишу, потому что мне больно тебя огорчить. Чем меньше ты будешь знать, как мне живется, так это будет для тебя здоровее. От дяди и семьи его шлю вам сердечный привет. Будьте все здоровы, целую вас крепко. А дорогому Шарлю целую бессчетно раз.

Твоя мама».

*

Последние письма датированы 1931 годом и тоже написаны другими людьми по просьбе мамы:

«Mme Sonia Delaunay!

Пишу Вам по порученью В[ашей] матери. Писем от Вас она не имела около года и очень беспокоится. Живется ей очень тяжело, т. к. брат Ваш снова заболел и не только не может оказать матери материальную поддержку, но сам в ней нуждается. Мать В[аша] месяц тому назад упала на улице и сломала себе руку, так что сама писать не может. Сердце ее тоже в плохом состоянии, бывают частые припадки, но, к сожалению, попасть в клинику она не может, т. к. там места платные. Она просит Вас если не часто, то хотя бы раз в 2-3 месяца писать ей. От сына она теперь получает письма 1 раз в месяц.

Больше, пожалуй, писать не о чем, т. к., может быть, письмо это Вас и не найдет, за год ведь многое могло измениться, и возможно, что я пишу по старому адресу.

Адрес матери В[ашей] тот же. Улица Пастера, 8.

8/II/1931»

«8/V/1931

М^{те} Делонэ, мать Ваша (пишу по ее поручению) снова лежит в клинике. Удалось устроить ее по удешевленной цене, т. к. болезнь ее представляет интерес для преподавания. Ходить она почти не может из-за одышки и ноги очень опухли. Брат Ваш ничем ей полезен быть не может, т. к. уже 8 м[есяцев] болен своей обычной болезнью, от которой его когда-то лечили поездкой в В[осточные?] края. Чем кончится и когда кончится этот приступ, не известно. От семьи его писем нет.

Матери желательнее прислать посылку, состоящую из 3 кг сахара, 2 кг макарон, 1 кг манной, 1 кг рису, 1 кг топленого масла, 1 кг муки. Если она будет так составлена, то пошлина очень небольшая. Думаю, что на этот раз мать Ваша еще поднимется, особенно принимая во внимание летнее время, но все же с посылкой поторопитесь. Адресовать можно на прежний адрес, т. к. 1-го ию[ля?] клиника закрывается.

С. Т.»

** * **

Письмо это оказалось последним из писем от матери в папке, переданной мне Жан-Клодом Маркаде.

Читая письма мамы, понимаешь, как правы были те, кто любым способом стремился в начале 1920-х уехать из Одессы – либо в столицы, как Катаев с Олешей, либо за границу, как Сандро Фазини. Выжить в тех условиях было крайне непросто.

Чтобы картина была полной, хочу привести еще несколько писем из Одессы – от дяди Марка, его дочери Тани и Сониного брата Соломона.

Марк Товиевич Терк, живший в одном доме с мамой, тоже время от времени писал Соне.

«19/III/28 г.

Любезная Соня!

Вот уже три недели как мама больна, я ее поместил в клинику, она страдает сердечными припадками, сейчас ей уже лучше, просила написать тебе, когда будешь ей писать, то пиши ей на мой адрес: улица Пастера, д. № 8, кв. № 31. Мы от Семы имели письмо, в настоящее время он без службы, вообще дела у него неважны. У меня тоже неважно, чувствую себя больным и тоже без всякого дела. Если тебе известен адрес дяди Якова, напиши мне.

Твой дядя Марк.

Сердечный привет твоим, пиши почаще».

*

«8/V/1931

Любезная Соня!

Мы очень обрадовались, получив от тебя весточку, в особенности мама сильно беспокоилась, не имея так долго никаких сведений. Мама в последнее время стала болеть, вот уже месяц, как она находится в клинике, у нее часто повторяются сердечные припадки, а от Семы тоже редко получается письмо, от так же болен и уже два месяца нет от него письма, положение мамы в настоящее время неутешительное, на днях она должна выйти из клиники, так как наступают каникулы. Постарайся чаще ей писать для того, чтобы не имела лишних волнений. У меня также ничего хорошего нет, жизнь так скверно сложилась, трудно передать.

Твой дядя Марк.

Адрес: тот же, Пастера, 8, кв. 26.

Р. S. Если ты думаешь ей что-либо послать, советую ей послать:

1) сахару, чаю, масла коровьего, макарон, муки, крупы и, если возможно, немного денег, так как Сема перестал ей высылать, если ты ей пошлешь что сможешь, облегчишь ее тяжелое положение.

Прости за беспокойство, дядя.

Мой адрес тоже: Пастера, 8, кв. 31.

М. Терк»

*

Видимо, как раз в начале 1931 года дочь Марка, Таня, написала Соне душераздирающее письмо:

«Одесса, 1/II

Дорогая Сонечка! Сейчас я в Одессе, у своих – не видела их лет 8. Застала печальную картину – старики, нужда, болезни и все прочее. Твоя мама все время лежит в клинике – по ее просьбе пишу тебе, хотя возможно и сама лично написала бы тебе. Уж очень безотрадно и жутко ее положение и одиночество. И никто, ни один человек в таком огромном мире – не вспомнит о ней, не поможет ей. Я читала твое письмо последнее, года полтора тому назад написанное. Ты сама предлагала ей помощь, спрашивала, что ей послать? Почему же ты замолкла? Все ли у тебя благополучно, все ли здоровы? Все же ты – ее единственная дочь, хотя, как мать, она ничего тебе не дала, и не она вырастила и воспитала тебя, но для нее – ты ее дитя.

Сема все время хворает, живет он на Урале. Послал ей недавно 25 р. Все что только можно, все у нее распродано. И я даже не представляю себе – что будет дальше, если ее сердце долго будет работать. Самое лучшее – это умереть.

Мои папа и мама сами еле влачат свое существование – и то если бы не я и Роза...

Вот тебе вкратце о твоей маме. Посылки продуктовые из-за границы как-то: рис, сахар, мука, масло, какао, здесь оплачиваются очень доступной пошлиной. Или же непосредственно на Торгсин можно посылать доллары и здесь выдают продукты. Если ты можешь это сделать, Сонечка, не откладывай это дело в долгий ящик и откликнись. Больше о помощи не к кому обращаться. Я еще попробую тете Миле написать, хотя знаю, что им скверно живется.

Напиши маме несколько слов. Ведь жить-то ей осталось очень и очень немного.

Буду рада, если ты напишешь несколько слов о себе, своем сыне, своей работе, муже.

Моя дочь работает – инструктор по физкультуре в одном из домов отдыха на Кавказе. Ее муж кончает музык. техникум. Мой муж врачует тоже на Кавказе. Я в театре, который сейчас

в гастрольной поездке – благодаря ему я попала в Одессу. Все работаем и очень работаем, – а жизни как будто не видим, всегда не хватает, всегда много дыр.

Надеюсь, ты ответишь мне и что-то сделаешь для мамы.

Все сердечно тебе кланяются и твоей семье, желают только хорошего.

Таня».

*

Несмотря на многочисленные просьбы матери о приезде, после лета 1908 года Соня не бывала в России. Да и до этого, после отъезда в 1904 году в Германию, а затем в Париж, бывала летом лишь в Санкт-Петербурге и на даче в Финляндии – о ее приездах в Одессу ничего не известно. И если во втором десятилетии XX века причина этого была очевидной – дальние путешествия с маленьким ребенком были затруднительны, а после начала Первой мировой войны и вовсе невозможны, то в 1920-х приезжать она, скорее всего, просто боялась. Свою роль сыграла и национализация дома в Петербурге, и рассказы уехавших после октябрьского переворота в Европу родственников. Кроме того, поездке препятствовали и чисто формальные причины, возникшие, по-видимому, в процессе заключения брака с Вильгельмом Уде (недаром свадьба состоялась не в Берлине, Париже или Санкт-Петербурге, а в Лондоне). 21 апреля 1910 года тетя Анна писала Соне из Ниццы: *«О России ты уже брось мечтать, так как вопрос о паспорте теперь для тебя сложнее, чем когда-либо».*

Летом 1910-го Соломон, живший тогда во Франции, написал Соне: *«Мама хорошо себя чувствует, только... не достает ей тебя, хотя она сама этого не хочет, чтоб я писал тебе (черт возьми!) Пишу от себя. Приезжай, и это будет (думаю) единственное хорошее, что ты сделаешь из того, что я знаю за тобой».* Спустя несколько месяцев встреча мамы с дочерью состоялась.

Скорее всего, она была последней.

